

Это была черно-белая картина. Несмотря на то, что мазки были очень простыми, каждый мазок казался живым, что будто наполняло картину душой.

Бабушка Ши была человеком, который довольно хорошо разбирался в искусстве. Увидев картину, она не могла отвести от нее глаз:

«Эта картина замечательная. Лошадь выглядит ну точно как живая. И стиль живописи уникальный. Мне очень нравится эта картина».

Ши Нин улыбнулась:

«Я очень рада, что тебе понравилось».

Цао Шу сказала:

«Эта картина действительно хороша. Не знаю, какого художника эта работа. Подскажешь, где взяла такую картину? Я пойду к этому художнику и куплю у него таких несколько на днях».

Своими словами Цао Шу прямо указала на то, что Ши Нин не сама нарисовала эту картину.

Когда Ю Чую увидела картину Ши Нин, она тоже была ошеломлена. По сравнению с этой лошадью, ее картина была слишком простой. Но, услышав слова Цао Шу, Ю Чую снова почувствовала гордость:

«Ши Нин, тебе не стыдно представлять чужую работу за свою?».

Ши Нин обычно была высокомерной и своенравной, из-за чего не нравилась большинству людей. В этот раз она просто помолчала, ничего не сказав.

Бабушка решила заступиться за нее:

«Неважно, купила она ее или нарисовала, мне эта картина очень нравится».

Цао Шу сказала:

«Дети должны быть честными, мама. Нельзя побаловать молодое поколение ».

Атмосфера в комнате стала немного напряженной. Ши Чен посмотрел на свою молчаливую сестру, а затем подошел к Цао Шу и сказал:

«Мама, может, хватит?».

При виде сына, защищающего Ши Нин, Цао Шу рассердилась еще больше.

Двумя людьми, которых она ненавидела больше всего в своей жизни, были Ши Чжаньпин и Мо Сюэ. Поскольку Ши Нин была их дочерью, она и к ней чувствовала отвращение.

Цао Шу ответила:

«А что, я не права? Ши Чен, послушай меня внимательно. Мое дитя, ты должен быть честным. Ты не можешь выставлять чужие вещи за свои».

Сказав это, она с презрением посмотрела на Ши Нин:

«Не могу поверить, что твоя мать научила тебя лгать в таком молодом возрасте».

Бабушка Ши всегда уважительно относилась к Цао Шу и очень любила ее. Теперь, когда Цао Шу вела себя так агрессивно, с одной стороны, она была немного возмущена, а с другой – соглашалась с ней.

Как могла такая женщина, как Мо Сюэ, научить чему-то хорошему своих детей? Она боялась, что внучка будет испорчена ею.

Бабушка Ши сказала:

«Ши Нин, твоя тетя права, я не люблю вранье».

Ши Нин:

«Я не лгала. Это действительно нарисовала я».

Когда она закончила говорить, ее взгляд упал на Цао Шу:

«Более того, тетя, не говори так плохо о моей маме. Моя мама, по крайней мере, научила меня, что нельзя клеветать и осуждать человека без каких-либо оснований».

Цао Шу нахмурилась:

«Что ты только что сказала? Я клеветчу на тебя? Неужели не ясно, на каком ты уровне?».

Затем она повернулась и спросила Ши Чена:

«Ши Чен, разве Ши Нин училась в университете искусств?».

Ши Чен на мгновение заколебался, но решил все же сказать правду:

«Нет».

Цао Шу посмотрел на Ши Нин, как будто у нее были доказательства:

«Ю Чуюо ходила на уроки рисования, но не научилась так рисовать. Как же ты могла этому обучиться? Ладно, неважно, купила ты эту картину или нарисовала сама, но можно ведь было просто сразу сказать правду, а не лгать бабушке Ши».